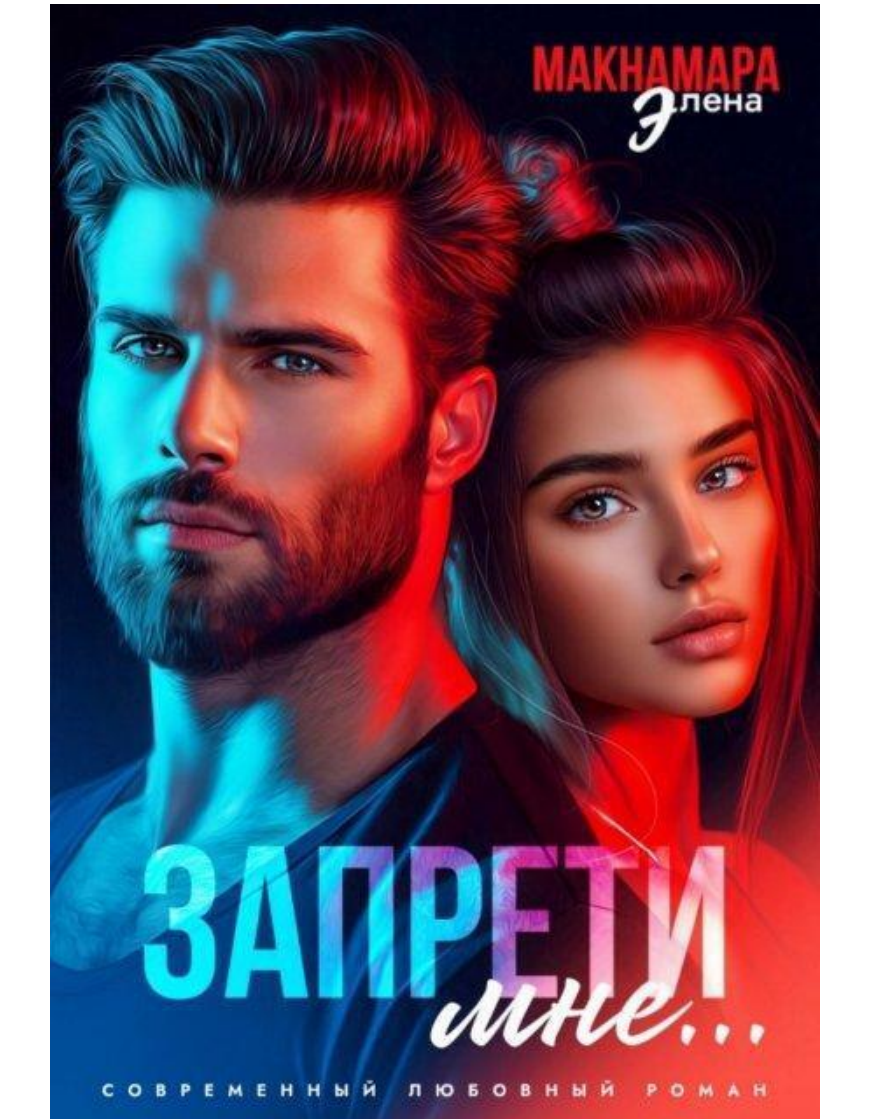

МАКНАМАРА
Елена

ЗАПРЕТИ *мне...*

СОВРЕМЕННЫЙ ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Элена Макнамара

Запрети мне...

<https://litres.ru/74207637>

Аннотация

♥ Она живёт в моём доме. Спит в постели моего сына, а по ночам разгуливает по коридорам в чём мать родила. Смотрит на меня своими огромными синими глазищами... провоцирует, притягивает, расшатывая мой мир. Я бегу от неё и от своих низменных желаний и молю... Молю запретить мне её желать...

♥ Мои родители оставили меня совсем одну в этом мире. Нелепая случайность забрала их жизни, и если бы не ОН, я бы не выжила. Он обогрел меня и подарил надежду, растопил лёд в моём застывшем сердце. Всю жизнь я помнила о своём спасителе. И думала, что никогда его больше не увижу... запретные_чувства
Очень_откровенно Хэ

Содержание

Глава 1. Встреча	4
Глава 2. Свидание первое	8
Глава 3. Свидание второе	14
Глава 4. Свидание третье	18
Глава 5. Свидание третье, часть вторая	26
Глава 6. Невеста	36
Глава 7. Ловушка	41
Глава 8. Беглянка	50
Глава 9. Вспомнить...	60
Глава 10. Лже-любовь...	68
Глава 11. Влечение	73
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Глава 1. Встреча

– Прелестные ножки! – кричит парень мне вслед, когда прохожу мимо его машины.

Мне бы нужно просто идти дальше и не обращать на него внимания, потому что я не связываюсь с такими типами. Но меня вдруг привлекает его голос. Есть в нём что-то знакомое...

Бросаю неловкий взгляд через плечо, а парень словно этого и ждёт. Быстро отклеивается от капота своей дорогой машины и приближается ко мне. Рваные джинсы, белая футболка поло, кроссовки такие чистые, словно он только что их купил. Явно дорогие часы на запястье и стильные очки, которые он тут же нахлобучивает на макушку.

Особенно тщательно вглядываюсь в его лицо, потому что оно мне тоже кажется знакомым. Густые брови, серо-зелёные глаза, ямочки на щеках, волевой подбородок, стильная удлинённая стрижка. Нет, теперь я почти уверена, что мы никогда не встречались.

Парень смотрит на меня так же оценивающе, как и я на него. Сначала на моё платье, сумку, переброшенную через плечо, старые поношенные кеды... Его взгляд кажется заинтересованным, даже воодушевлённым. Словно перед ним не обычная девчонка, а модель с ногами от ушей.

– Красивые глаза, – ухмыляется он, и его взгляд тут же

соскальзывает ниже, на скромный вырез платья.

Оно спокойного серого цвета, и длина такая, что даже странно слышать комплименты о своих «прелестных» ногах.

Почему я всё ещё здесь?

– Спасибо... – тихо выдыхаю, начиная настороженно отступать.

– Стой! – парень делает шаг ко мне. – Хочешь заработать?

Мои глаза округляются. Возмущение клокочет в горле, и у меня никак не получается ответить как-то достойно.

– Я не это имею в виду, – смеётся парень. – Ты можешь со мной не спать, если не захочешь, – поигрывает бровями.

Поморщившись, отворачиваюсь, даже отвечать не желая. Начинаю двигаться к пешеходному переходу, чтобы перейти дорогу и убраться от наглого мажора подальше, но он тут же меня догоняет и преграждает путь. Я почти в него врезаюсь.

– Да подожди, глупышка! Я ничего такого не предлагаю, ничего противозаконного или аморального. Ты же не дослушала!

– Мне неинтересно, – тут же отрубая, пытаюсь обойти нахала, но он не позволяет мне двинуться, удерживая за локоть.

– Мне нужна девушка на вечер. Отцу хочу поднасрать, потому что он... Короче, потому что у нас с ним неважные отношения. Он всё за меня решает, а я хочу играть по своим правилам.

– И поэтому тебе нужна девушка, которая ниже твоего со-

циального статуса? – уточняя, вновь поморщившись.

– Ты догадливая, – подмигивает мажор. – Улавливаешь, что к чему.

Да уж... Тут и понимать нечего. Такие парни, как он, ко мне не подходят. И не потому, что я дурнушка или замарашка. Нет. На мне чистая выглаженная одежда, только вот она из «секонд хенда». В то время как его шмотки фонят дорогими брендами. И я не бываю в таких местах, где бывает он. А сейчас на оживлённой улице в центре города нас свела просто случайность.

– Так что скажешь, куколка? Устроим шоу для моего отца?

Я смотрю на парня как на душевнобольного. Неужели на моём лице не читаются брезгливость и категоричный отказ? В деньгах я нуждаюсь, но не настолько же...

– Матвей, – представляется он, протянув руку. – Матвей Одинцов.

Я почти отпрыгиваю, словно меня бьёт током. Одинцов? Тот самый Одинцов?

Матвей явно доволен моей реакцией. Все знают его отца.

– Всего один вечер в моём доме, – вдруг насаждает парень, наклоняясь к моему лицу. – И можешь не следить за манерами. За это я заплачу тебе столько, сколько стоят полмашины. Моей машины, – кивает за мою спину, туда, где припарковано дорогое авто с откидным верхом.

Но сейчас меня совсем не интересуют деньги. Лишь

непреодолимое желание хотя бы одним глазком вновь увидеть Одинцова-старшего.

– Я согласна, – хватаюсь за руку Матвея и с пылом пожимаю. – Когда состоится вечер?

Он самодовольно ухмыляется.

– Через четыре дня. Времени мало, а мы должны узнать друг друга получше. Ммм... для чистоты эксперимента. Ты же должна хорошо знать своего жениха, верно?

– Так ты хочешь сказать отцу, что я твоя невеста?

– Ну да, – он пожимает плечами. – И что ты, допустим, от меня беременна. Так будет ещё интереснее.

Я закусываю губу, чтобы не прыснуть от смеха. Уж больно забавно выглядит парень, воодушевлённый своей глупой выдумкой. Хотя моя идея кажется ещё глупее. Наверняка Одинцов меня даже не вспомнит...

– Поехали, погуляем, – Матвей по-хозяйски сгребает меня за плечи и ведёт к своей машине. – Ты так и не назвала своё имя.

Я смотрю себе под ноги и тихо выдыхаю:

– Меня зовут Мира.

Он дал мне это имя...

Глава 2. Свидание первое

– Мира... – тихо, словно смакуя, произносит Матвей. – Мира... Очень странное, но красивое имя.

Он разваливается в кресле, положив одну руку на руль, а вторую себе под голову, не спеша заводить мотор. Сначала претенциозно рассматривает мой внешний вид.

– Кино, ресторан? Чего ты хочешь, крошка? Что ты вообще любишь?

Сегодня наше первое свидание, если это вообще можно назвать свиданием... И парень заехал за мной с опозданием на час. Что такое пунктуальность – определённо не знает.

– Тебе необязательно тратить деньги на мой досуг. Мы можем просто погулять, и ты быстро введёшь меня в курс дела.

– Окей, – с лёгкостью соглашается Матвей и заводит мотор.

Вновь смотрит на мой наряд. На мне обычные шорты и футболка. Принт на ней настолько выцвел, что невозможно различить, что именно там когда-то было написано. Парню явно неуютно от того, что рядом с ним такая простушка. Мне его даже жаль. Но мой мир не крутится вокруг брендов. И плевать, во что я одета. Мои родители рано умерли, но успели вложить в меня простые истины. Что человека только встречают по одежке. И не всё то золото, что блестит. Позже

улица научила меня выживать. Скитание по приённым родителям научило быть тихой, почти незаметной. Ведь сложно обидеть того, кого даже не замечаешь...

Матвей плавно отъезжает от «моего» дома. На самом деле это не мой дом. По достижению восемнадцатилетия я смогу, наконец, переехать в квартиру, где жила с родителями. А пока проживаю с одной женщиной, которая пару лет назад оформила опеку надо мной. Она пожилая, и я нужна ей в качестве рабочей силы для помощи по хозяйству, но другого выбора у меня всё равно пока нет. Остаётся только считать дни до своего совершеннолетия. Их осталось всего восемь...

– Ты всегда носишь такие причудливые причёски? – интересуется Матвей, поглядывая на меня искоса.

Я ощупываю свой пучок на макушке, чтобы удостовериться в том, что нет в нём никакой причудливости. Мне кажется, полгорода носит нечто подобное. Смотрю на парня в недоумении. Он сбрасывает газ и останавливается на светофоре. Поворачивается ко мне лицом и, кивнув на пучок, поясняет:

– У тебя забавно торчат уши. И причёска выглядит несуразно. При твоей и так юной внешности делает тебя ещё моложе. Почему бы тебе не распустить волосы?

– А что плохого в молодости? – я игнорирую замечание про свои уши и подавляю порыв прикрыть их ладонями, но всё равно стыдливо краснею от своей неидеальности.

Матвей закусывает губу. Скрыв улыбку, продолжает гово-

ритель с предельной серьёзностью:

– Выглядеть молодо – это хорошо. Но ты выглядишь как маленькая. А это разные вещи... Давай же, Мира! Распусти волосы!

Хватаюсь за заколку, и тяжёлые пряди тёмным каскадом рассыпаются по моим плечам и спине. Последний раз мне подрезали волосы около года назад, и теперь они снова очень длинные. Привлекающие внимание. Я постоянно их собираю в пучок.

Убрав заколку в сумочку, откидываю пряди от лица и вновь смотрю на Матвея. Теперь он улыбается.

– Так намного лучше! Ты вроде как даже красивая.

Не могу не улыбнуться в ответ на этот нелепый комплимент. Я почти ни с кем не общаюсь, никогда не хожу на свидания и нечасто слышу комплименты в свой адрес. Оказывается, это приятно.

Мы продолжаем движение, а потом вновь останавливаемся на светофоре. Рядом с нами тормозит машина, которая сразу привлекает внимание Матвея. За рулём сидит парень, рядом с ним ещё один. На лицах обоих недоумение, а мой спутник сразу отворачивается и делает вид, что их не знает. Но они явно знакомы.

– Эй, друг! – окликает Матвея водитель из соседней машины.

Однако в этот момент загорается зелёный, и Матвей стартует с места так резко, что моё тело вдавливают в сиденье.

Ловко маневрирует между машинами, быстро отрываясь от приятелей. А до меня доходит, из-за чего такая спешка.

Я! Дело во мне!

– Ты хочешь представить меня отцу, но боишься неодобрения друзей, – говорю себе под нос. – Это как минимум странно.

Матвей прекрасно меня слышит, но не отвечает и не смотрит в мою сторону. Потихоньку сбрасывает скорость, а через несколько минут паркуется возле парка.

– Пошли, – бросает сухо, открывая дверь.

Поспешно покидаю машину. Иду вслед за парнем, на ходу доставая заколку и вновь собирая волосы на макушке. Мне так комфортнее.

По парку мы идём так, словно незнакомы. Он немного спереди, а я – сзади, в полуметре от него. Останавливаемся возле пруда, и Матвей запрыгивает на низкий парапет, отделяющий нас от воды. Бросив взгляд на мою причёску, недовольно морщится. Что ж... Я действительно не соответствую общепринятым критериям красоты, но он же сам меня выбрал...

Прислонившись к ограждению животом, смотрю на воду. Она кажется прозрачной настолько, что можно разглядеть там мелких рыбёшек.

– Я уехал от друзей, потому что не хочу объяснять им свою ситуацию, – внезапно Матвей даёт пояснение своему поступку. – На чёртовом званом ужине будут друзья отца, а

не мои друзья.

— Ясно, — отзываюсь, всё ещё разглядывая воду. Чувствую взгляд парня на своей щеке. — Хотя нет, не очень ясно, — пристально смотрю на Матвея. — Ты мог просто поздороваться с ними. В твоей машине может сидеть кто угодно. Своим поступком ты привлёк ненужное внимание. Теперь они точно захотят знать, кого ты так тщательно скрываешь.

— А ты типа самая умная, да? — бросает он с вызовом.

— Нет, — отвечаю спокойно. — Просто пытаюсь тебя понять. А заодно понять, для чего тебе всё это. Твой отец не кажется мне плохим человеком...

И лучше бы я этого не говорила.

Матвей резко спрыгивает на землю. Схватив меня за плечо, немного встряхивает, но даже этого достаточно для того, чтобы потерять равновесие. Ноги подкашиваются, и если бы не руки Матвея, я бы упала, но парень держит меня крепко, а потом и вовсе прижимает к своей груди.

— Для девчонки твоего социального положения ты слишком много говоришь. Болтать будешь в доме моего отца, поняла?

Я вскидываю голову, чтобы заглянуть парню в глаза. У него явные проблемы с контролем эмоций, но меня почему-то не пугает такой резкий переход из улыбчивого мажора в грубого социопата. Вижу, что его гнев напускной.

— Поняла, — отвечаю коротко, и Матвей меня отпускает, предварительно поставив на землю.

Минуту, может чуть больше, мы просто молчим. Парень смотрит мне в глаза и словно над чем-то раздумывает. В его взгляде горячая смесь из сомнений и постепенно затихающего гнева.

– Значит, хочешь знать, зачем мне всё это? – уточняет Матвей, вновь запрыгивая на ограждение. – Считаешь моего отца хорошим, а меня – избалованным придурком, которому не живётся спокойно, верно?

Пожимаю плечами. Вообще-то, я не считаю его придурком. Избалованным – да. Но точно не придурком.

– Давай погуляем? – предлагаю Матвею, чтобы дать ему немного успокоиться. – У нас есть четыре дня, чтобы ты посвятил меня во все детали.

Не дожидаясь его одобрения на прогулку, ухожу от озера. Миную аттракционы, парковую зону и велодорожки, прежде чем Матвей меня догоняет.

– Пошли есть мороженое, – тянет в сторону кафе, мимо которого мы как раз проходим. – И, кстати, у нас осталось только три дня, чтобы сделать из тебя идеальную неидеальную невесту.

Глава 3. Свидание второе

Всё, о чём говорил Матвей на вчерашнем свидании – это о том, как мы якобы познакомились, и о чувствах, которые между нами внезапно вспыхнули. И о том, что я якобы беременна от него.

Парень пока не знает, что мне нет восемнадцати, а когда узнает, наверняка будет не рад. Но я молчу в тряпочку, не желая вновь попасть под его гнев.

Об отце Матвей не говорил. И о том, почему так сильно его ненавидит. Впрочем, позже совсем закрыл эту тему, и остаток вечера мы просто гуляли, кормили лебедей в озере, прокатились на аттракционе и даже поели пиццу. Матвей вёл себя как обычный парень, раскрывшись передо мной совсем с другого ракурса. Не как сын известного бизнесмена Александра Одинцова. А как мальчишка, нуждающийся в друге.

И вчера мы вроде как подружились...

– Ты здесь одеваешься? – Матвей с ужасом смотрит на старую покосившуюся вывеску, на которой написано «Одежда из Европы». – Давай сходим в любое другое место, потому что я туда не пойду.

Пятится к машине, но я подталкиваю его обратно.

– Нет, мы пойдём именно сюда, раз ты хочешь, чтобы я выглядела простушкой на этом званом вечере. Поверь, здесь

мы точно что-нибудь найдём.

– Чёрт... Ладно, – он опускает солнцезащитные очки на глаза, и они закрывают половину его лица. – Давай только быстро!

Мы заходим в магазин, но даже сквозь очки виден шок, который читается в его глазах. Мне становится действительно весело. С важным видом веду его мимо стопок поношенной одежды, которая даже пахнет как поношенная.

– Вот смотри, – торможу возле одной горы с футболками и хватаюсь за ту, что лежит сверху. – Нужно перебирать по одной и перекладывать на соседнюю стопку.

– Я до этого не дотронусь, – брезгливо бросает парень, скрестив руки на груди. – Тебе надо, ты и смотри.

Тихо прыснув, перекладываю футболки, а потом то же проделываю с платьями. Демонстрирую понравившиеся своему спутнику, но он кривится даже от того, что я беру их в руки. В итоге нахожу платье телесного цвета, которое будет мне по размеру. Оно кажется мне нарядным, потому что у него пышная юбка.

– Выглядит так, словно ты на выпускной бал собралась, – морщится Матвей. – Хотя бери, что хочешь, только давай уже уйдём.

Мы проходим к кассе, и я, свернув платье в узелок, кладу его на весы. Продавец называет цену, услышав которую Матвей даже очки с лица срывает.

– Это в евро или в рублях? – интересуется у продавца.

– В рублях, конечно, – женщина выглядит немного раздражённой. – Платите или уходите.

– Я заплачу, – лыбится парень, извлекая карточку из бумажника. – Ничего бюджетнее в жизни не покупал.

– Здесь не принимают карточки, – отпихиваю его руку и протягиваю продавцу триста рублей. Ровно столько стоит моё платье.

Она укладывает вещь в пакет и отдаёт Матвею.

– Надеюсь, ты это постираешь, прежде чем надеть, – говорит он, когда мы покидаем магазин. – А вообще, халява, а не шмотки, – оборачивается и вновь смотрит на вывеску. – Но я бы всё равно не стал это носить.

– Сейчас ты выглядишь так, словно посетил какой-то новый аттракцион для богачей, – хмыкаю я. – Расслабься уже, это всего лишь одежда. И она должна использоваться по назначению.

– Ну да, её уже кто-то поносил, но не доносил. Поэтому отправили в Россию, чтобы мы донашивали. Так сказать, назначение выполнено на все сто, и даже перевыполнено.

Всё это он говорит, не скрывая скептицизма. Распахивает передо мной дверь машины, помогает с ремнём безопасности, неспешно обходит авто и садится за руль.

– Какой экзотики ты ещё сегодня хочешь?

Мои губы сами по себе кривятся в ухмылке.

– Мы могли бы прикупить что-то для тебя, – указываю на магазин секонд-хенда. – Там были чудесные футболки поло.

И они будут стоять раз в сто дешевле тех, которые носишь ты.

– Не мечтай, что я когда-нибудь ещё зайду в этот ларёк, – Матвей вновь нахлобучивает очки на глаза. – Лучше свожу тебя в нормальный магазин, где мы сможем купить что-то новое, не поношенное.

– А как же твои друзья? – я вскидываю брови. – Вдруг мы кого-то встретим, и тебе придётся объяснять им, кто я такая.

– Плевать, – вновь отмахивается парень. – К тому же, я решил, что для правдивости нашей легенды пора представить тебя моим друзьям. Все вокруг должны знать, что Матвей Одинцов собрался жениться на простушке.

Заводит мотор и срывается с места. По его лицу видно, как сильно он воодушевлён своей идеей досадить отцу. А мне она всё больше и больше не нравится, потому что я не считаю, что его отец должен испытывать из-за меня неловкость перед своими гостями. Моя цель – просто его увидеть и уж точно не быть карающим оружием в руках его сына. И у меня есть ещё пара дней, чтобы уговорить Матвея передумать. Ну или хотя бы изменить меру наказания...

Глава 4. Свидание третье

– Ты прекрасно выглядишь, кстати, – Матвей берёт меня за руку и уверенно ведёт к центральному входу в кинотеатр.

Сегодня наше свидание отложилось до восьми вечера, потому что опекунша придумала для меня кучу сверхважных и неотложных дел. Мне практически не хватало времени их выполнить, но пропустить встречу я не могла. Поэтому трудилась с особым рвением и упорством. И, наверное, потому, что до моего совершеннолетия остались какие-то считанные дни, опекунша не стала противиться моему желанию отлучиться этим вечером.

– Это платье, кстати, всё оттуда же, – говорю, усмехнувшись. – Из того самого магазина, при виде которого тебя можно отпаивать валерьянкой.

– Зато оно короче, чем предыдущее, – парень бросает масляный взгляд на мои ноги. – И цвет тебе очень идёт.

Платье тёмно-синее. Почти как цвет моих глаз. И вот я вновь расплываюсь в улыбке от комплимента. На душе становится как-то тепло и уютно. Матвей притягивает меня к себе и целует в висок. Его неожиданный поступок заставляет нас отпрянуть друг от друга.

– Прости, – мямлит он, вновь взяв меня за руку. – Я немного увлёкся... Вжился в роль.

– Да, я тоже, – еле слышно отзываюсь, пряча взгляд под

ресницами.

Мне неловко. Но в той же степени приятно. Будто нравится то, что между нами происходит. А между нами действительно что-то происходит, и я не уверена, что это просто сделка... Но и симпатией или вспыхнувшими чувствами это назвать тоже нельзя.

Тогда что?

Мы заходим в здание кинотеатра, минуем кассы и сразу двигаемся к релакс-залу. Ещё в машине Матвей мне все уши прожужжал об этом зале, рассказывая, что здесь очень удобные диваны, свой бар, да и вообще можно чувствовать себя почти как дома перед телевизором.

Я впервые в подобном месте. А ещё не помню, когда в последний раз была в кинотеатре. И мне, безусловно, интересно всё, что меня окружает. Не стесняясь, я просто пялюсь по сторонам. На этот раз Матвей не испытывает дискомфорта, как это было, например, вчера, когда он привёл меня в дорогой бутик. У меня тогда в глазах заискрило от всех этих нарядов, которые я даже трогать боялась, не то что примерить.

Матвей купил мне платье. Новое, приятно пахнущее, очень красивое. Теперь у меня был выбор. Я могла пойти на ужин либо в нём, либо в том, которое купила за триста рублей в секунд-хенде. Мне очень хотелось надеть новое...

– Я хочу огромное ведро карамельного попкорна, – заявляет Матвей, подводя меня к прилавок со всевозможными вкусностями.

– Карамельный? – подавляю улыбку.

– Ну да! А ты имеешь что-то против карамели? – с деланным возмущением уточняет парень.

– Это как-то не грубо...

Он склоняется к моему виску и тихо шепчет:

– Но это же останется между нами, верно?

– О, нет, пожалуй, я расскажу о твоих предпочтениях друзьям, – говорю, едва сохраняя на лице серьёзность.

– Не скажешь, – предупреждающе шикает Матвей, щекотнув меня за бок.

Смех всё-таки вырывается наружу, а от щекотки я отпрыгиваю в сторону.

– Хорошо-хорошо, я никому не скажу, –ставляю руки перед собой в знак полной капитуляции. – Я, кстати, тоже люблю карамельный.

На самом деле нет. На самом деле мне всё равно, какой он будет. И всё равно, какой фильм будем смотреть. Мне просто хорошо. Здесь и сейчас в компании Матвея Одинцова. Парня, который не кажется мне плохим человеком. Избалованным – определённо. Но не плохим. У его отца, просто не может быть плохого сына.

Матвей покупает самое огромное ведро попкорна и прохладительные напитки, мы занимаем свои места. Это мягкий диван в центре зала. И на этом диване только мы вдвоём. Остальные присутствующие в зале, расположившиеся на таких же диванах, словно совсем исчезают, как только гаснет

свет.

– Кстати, о моих друзьях, – негромко говорит Матвей, пока идёт реклама. – Надеюсь, что сегодня ты всё-таки не проговоришься о моих вкусовых предпочтениях.

– Сегодня? – я слышу только это.

Уже сегодня? Он хотел меня познакомить со своими приятелями, но я думала, что этот день настанет нескоро.

– Да. После фильма. Я хочу отвести тебя в клуб, где мы обычно веселимся. Ты не против?

– Не против, но есть одно «но», – я пытаюсь выглядеть отважно и беззаботно.

– Какое? После полуночи твоё платье превратится в обноски? – машинально бросает взгляд на Ролекс на своём запястье. – Хотя это и так обноски.

Морщусь от того, что в одну секунду Матвей становится грубым, но не обижаюсь... Парень просто не выносит условностей и в какой-то степени его откровенное хамство – это просто защита.

– Так какое «но»? – насеждает он.

– Я поеду, если ты расскажешь мне, что происходит между тобой и твоим отцом.

Почти уверена, что он сейчас взбесится. Но наша игра затянулась, а я всё ещё не знаю, на что именно подписалась. Успела понять, как себя вести в присутствии Одинцова, как стоять, что говорить... Но не понимаю, для чего Матвею это нужно. И пока я не понимаю, смело могу отказаться от этой

затеи.

– По-моему, я плачу за то, чтобы ты не задавала вопросов,
– сухо парирует пареньь.

– А по-моему, я ещё ни копейки не получила, – бью той же монетой.

– Ох, тебе нужен аванс? – хмыкает он с сарказмом. – Не вопрос. Завтра ты его получишь.

Он говорит с таким пренебрежением... Словно уже купил меня и мою жизнь. Будто может заплатить – и я превращусь в безвольную куклу.

Вскакиваю. От обиды начинает щипать в глазах.

– Сядь, – Матвей рывком усаживает меня обратно. – Давай без сцен, крошка, – говорит с притворной нежностью. – Так и быть, я объясню, что к чему, но чуть позже.

Начинается фильм, и пареньь сосредотачивается на его просмотре. Но всё ещё крепко держит меня за руку, не позволяя дёрнуться...

Так проходит весь сеанс. Мы молча смотрим фильм, но позже я не смогу сказать, о чём именно он был, потому что мало что запоминаю. Все мои мысли занимают отец и сын Одинцовы.

Однажды его отец спас меня, а теперь в моих силах отдать ему дань и попробовать помирить с сыном, раз уж сама судьба свела нас вместе...

– Прости, – говорит Матвей, когда оказываемся в машине.
– Иногда ты просто лезешь не в своё дело.

– Это дело стало моим, когда я согласилась на ложь по отношению к одному из самых влиятельных людей в городе, – на этот раз я не собираюсь отмалчиваться. – Если твой отец поймёт, что я его обманываю... – голос предательски дрожит, не позволяя закончить фразу. Хотя добавлять что-либо и не требуется.

Никто не связывается с Одинцовым.

– Мой отец – ничтожество! – выплёвывает Матвей со злостью. Заводит мотор, отъезжает от кинотеатра и, уставившись на дорогу, с яростью добавляет: – Он решил, что может распоряжаться моей жизнью... Что ж... У него это не получится!

– Как именно? Чего он от тебя хочет?

– Решил отослать в Штаты, – выплёвывает парень. – Якобы там у него для меня запланировано будущее. А мой дом здесь! Мои друзья, увлечения... Всё!

О, Боже! Так вот в чём дело!

– Но на самом деле, – продолжает Матвей, – он просто хочет, чтобы я не путался под ногами. Не мешал ему выстраивать собственную личную жизнь. Без меня ему не придётся притворяться, что моя мать для него что-то значила.

– А твоя мама... она?..

– Да! Она умерла. По его вине, кстати.

Этого не может быть... Наверняка в Матвее играют какие-то детские обиды или что-то в этом роде.

– Давно? – спрашиваю с участием.

Парень знает, что я сирота, и, возможно, откроется мне чуточку больше, раз уж он тоже в некотором роде сирота.

– Десять лет назад, – отвечает Матвей ровным голосом.

Больше ничего не говорит, и в салоне повисает давящая тишина.

Мне его жаль. И его отца тоже жаль, потому что между ними возникло такое непонимание. Возможно, в моих силах что-то изменить...

– Ты считаешь, что он не отправит тебя в Штаты, если ты приведёшь домой беременную невесту? – пальцами рисую в воздухе кавычки.

– Не сможет он затушить эту тему, – усмехается Матвей. – Ведь о твоей беременности мы сообщим во всеуслышание! Известный всем Одинцов славится своей честью и достоинством. Общество ждёт от него правильных поступков. А что может быть правильнее, чем помощь отпрыску во имя собственного внука?

– Пусть так, но рано или поздно легенда рассеется, потому что как минимум мой живот не будет расти. И тебе придётся в конце концов признаться во лжи. Тогда он всё равно отправит тебя в Штаты.

О том, что будет со мной, я не говорю. Наверняка Одинцов сделает так, что мне придётся с позором бежать из города.

– Да, ты права, – негромко отзывается Матвей. – Рано или поздно отец узнает правду... Или не узнает, потому что ты

могла бы на самом деле от меня забеременеть. По-моему, это выход! Выход для нас обоих!

Глава 5. Свидание

третье, часть вторая

Матвей не выглядит злым и раздосадованным. Наоборот, к нему, кажется, вернулась прежняя лёгкость. Но говоря вроде бы в шутку, он одаривает меня таким взглядом, что ставит под сомнение кажущуюся беззаботность.

Мне становится нечем дышать. Наверное, именно сейчас я понимаю, на что действительно подписалась и с каким опасным парнем имею дело. О потенциальной опасности его отца и говорить не приходится...

– Подумай об этом, Мира, – поигрывает бровями парень. – Ты получишь жизнь в достатке. У тебя будет всё, чего ты была лишена: дом, машина, деньги... А я получу возможность принимать самостоятельные решения. Все будут счастливы.

– Это сложно назвать счастьем, – отзываюсь бесцветно. – Брак и рождение детей... Всё это я планирую лишь по любви.

– Чушь! – отбρίζει Матвей. – Любовь – это просто слово из шести букв, не больше. Эти шесть букв не обеспечат твоё будущее.

– Но ты же не любишь меня! – мой голос срывается на писк.

– И ты тоже можешь не любить меня, – он пожимает плечами. – Возможно, я даже позволю тебе небольшие интриж-

ки на стороне, чтобы ты чувствовала себя желанной.

Мне становится тошно. Как в этом двадцатилетнем парне помещается столько цинизма?

– Я не пойду на это, – отрезаю, делая свой голос строгим.
– Согласна на игру, готова притвориться твоей невестой, но на этом всё. Ты получишь отсрочку, а дальше сам думай, как получить амнистию!

– Как хочешь, – сухо бросает парень. – Значит, навсегда останешься нищенкой.

Отвернувшись к окну, смаргиваю навернувшиеся на глаза слёзы. Рука Матвея тут же ложится на мою коленку.

– Маленькая... Обидчивая... Ранимая. Тебе будет сложно жить в этом большом мире, Мира.

Скидываю его руку, и он тут же сжимает её в кулак, неистово стискивая до хруста в пальцах.

– Постарайся не проявлять чрезмерную строптивость в компании моих друзей, – говорит Матвей со сталью в голосе.
– Будь послушной, поняла?

Я киваю, не глядя на него. Мне всё ещё жаль парня, потому что... Потому что он одинок. Вижу, что одинок. Наверное, даже себя в нём вижу.

Через двадцать минут мы прибываем на место. Большое мрачное здание в каком-то глухом районе очень слабо напоминает клуб для золотой молодёжи, и я не решаюсь выйти из машины. Матвей открывает для меня дверь и подаёт руку.

– Пойдём, крошка. Тебе понравится.

Он вновь выглядит расслабленно и беззаботно. Лучезарно улыбается, демонстрируя притягательные ямочки на щеках.

– Что это за место? – всё-таки вкладываю ладонь в его руку и выбираюсь из машины.

– Это здание стоит на балансе города, но так как здесь обитаем мы, с ним ничего не могут сделать, – хмыкает Матвей. – Его начинали реконструировать, но мы за одну ночь превратили все труды в прах.

– Зачем?

– Затем, что мы так развлекаемся. Можешь называть это бунтом богатых и испорченных.

Именно так мне и хочется это назвать.

– Чего вы добиваетесь?

– Хотим доказать таким людям, как мой отец, что всегда найдутся несогласные, – он пожимает плечами. – Из здания хотят сделать очередной банк или какой-то притон, подпольное казино... Не знаю точно. Но знаю, что этот район нуждается в школе.

– О-о! Так вы борцы за правое дело? – я не могу скрыть восхищения.

– Нет, – Матвей качает головой. – Нам просто нравится действовать вопреки.

Ничего не понимаю... Он словно стесняется своих благих намерений. Или действительно ими не руководствуется?

Как только подходим ближе к зданию, слышу музыку. Тяжёлые аккорды буквально бьют по моим расшатанным нер-

вам, и я замираю на месте.

– Что мне говорить твоим друзьям? – маскирую страх под сомнение.

– То же, что будешь говорить моему отцу. Пусть это будет генеральной репетицией, – Матвей бесцеремонно подталкивает меня к двери. – И самое главное – держись всё время рядом. Не забывай, где находишься.

Не лучшее напутствие. Страх усиливается, и я с трудом перебираю онемевшими ногами, проходя внутрь.

Внутри здание оказывается таким же ветхим, как и снаружи. Почти все окна разбиты, стены расписаны пёстрой аэрографией и нецензурными словечками. В некоторых местах отсутствует пол, и зияют чёрные дыры. От царящей вокруг атмосферы растекается холодок по коже. Особенно от надрывной тяжёлой музыки. Она с каждым нашим шагом становится всё громче и душераздирающее.

Матвей уверенно заводит меня в огромный зал, который кажется немного чище и светлее. Но у меня нет времени, чтобы разглядывать углы на наличие паутины и плесени, потому что взгляд тут же цепляется за присутствующих. Тут очень много народа. В основном молодые люди, но и девушки здесь тоже есть. Музыка оказывается живой. Какой-то парень в кожаной куртке в самом центре зала играет на электрогитаре. У меня тут же закладывает уши.

Матвей ведёт меня вглубь толпы. Некоторые танцуют, некоторые разбрелись группами и общаются. А ещё я вижу

парочки, которые зажимаются по углам. Некоторые из них абсолютно голые.

– Не глазей, – советует мне Матвей, утаскивая дальше.

Я тут же опускаю взгляд, потому что и правда глазею. Впрочем, на меня тоже смотрят. Точнее, на Матвея, а уже потом – на его спутницу. Внутренне сжимаюсь до состояния точки. Умение быть незаметной сейчас могло бы пригодиться, только это уже невозможно. Меня заметили!

– Знакомьтесь, – Матвей расплывается в улыбке, приближаясь к трём парням и девушке с синими волосами. – Это Мира – моя невеста.

Кажется, компания остолбенела от такого заявления. А Матвей продолжает как ни в чём не бывало:

– Мира, тот качок справа – Давид. Девчонка рядом с ним – Марго. А это Сёма и Жека, – кивает на оставшихся.

Давид, Марго, Сёма, Жека... Я про себя повторяю их имена, чтобы не забыть.

– Привет, – выдавливаю сконфуженно. Позволяю себе взглянуть в четыре пары незнакомых глаз.

Лица Сёмы и Жеки кажутся мне знакомыми. Конечно... Это же те парни из машины. На нашем первом свидании Матвей удирал от них, сорвавшись с места на светофоре.

– Привет, – первой выходит из ступора Марго. – Кто твои родители?

– У меня их нет, – признаюсь открыто.

Она осматривает мою одежду, ногти, волосы... Словно

убеждаясь в моём социальном статусе.

– Мира не из нашего круга, – за меня говорит Матвей. – Но станет нашей, потому что я женюсь на ней.

Я смотрю только на Марго, потому что она всё ещё изучающе меня разглядывает. Пазл в её голове никак не складывается. На лбу отпечатался вопрос: «Почему она?»

– Пошли, поговорим, – она бесцеремонно хватает Матвея за ворот футболки.

Он подчиняется и позволяет себя увести, предварительно бросив взгляд на меня. Я провожаю парочку взглядом, испытывая смешанные чувства. Мне некомфортно. Немного неловко, что Матвей обозначил меня невестой, а сам ушёл с другой. А ещё неприятны претенциозные взгляды окружающих.

– Ты залетела от него, что ли? – доносится до меня тихий смешок, и я поворачиваюсь к Давиду.

Оказывается, мы остались с ним наедине, потому что Жека и Сёма куда-то испарились.

– Да ты садись, в ногах правды нету, – он практически силой усаживает меня на низкий подоконник. – Матвей вряд ли женится просто так, – прозорливо заявляет парень. – Поэтому либо залёт, либо дело в его отце.

Для перекачанного парня размером со шкаф он оказывается весьма сообразительным. И улыбка у него добродушная.

– Мы вроде как влюблены друг в друга, – говорю с ответ-

ной улыбкой.

– Хм... будем считать, что я тебе поверил.

– Да, будем считать, – пожимаю плечами и перевожу взгляд на Марго и Матвея, всё ещё шушукающихся в углу.

– Раньше они встречались, – тут же объясняет Давид и фыркает: – Марго до сих пор его хочет. Правда, даёт всем вокруг.

– Что даёт? – не понимаю я.

Он присвистывает.

– Ооо, так ты у нас нежный цветочек! В таком случае я даже завидую Одинцову. Давно не встречал кого-то чистого и непорочного типа тебя.

Мои щёки начинают полыхать от стыда. Потому что я, наконец, понимаю, что именно даёт всем вокруг Марго. Это ужасно...

– Не парься из-за них, Мира, – Давид неожиданно проводит по моей щеке подушечкой пальца. – Просто смирись, что Марго всегда будет третьей лишней.

Схватив за подбородок, вынуждает смотреть ему в глаза:

– Когда Одинцов наиграется, ты можешь найти меня, и я тоже с тобой поиграю.

Теперь парень не кажется мне добродушным. В глубине его глаз затаились опасность, порок и похоть... Отпрянув, ищу взглядом Матвея. Он идёт к нам размашистым шагом, сжимая кулаки. Всё происходит слишком быстро...

Давид словно ожидает удара, потому что с лёгкостью его

отражает. Матвей не уступает ему в росте, но проигрывает в телосложении. Изловчившись, он всё-таки наносит удар в челюсть Давида, но тот обрушивает на него сразу партию, попадая по скулам и рёбрам.

Не задумываясь, я бросаюсь между ними. Все, кто присутствуют в этом зале, окружают нас плотным кольцом, а гитара словно начинает играть ещё громче. Вакханалия! Вот как я могу описать происходящее.

Парней растаскивают в разные стороны, но они оба вырываются, готовые вновь наброситься друг на друга. Меня кто-то хватает за локоть, и я тут же понимаю, что это Марго.

– Ещё раз увижу тебя рядом с ним – и ты пожалеешь об этом, – гневно шепчет она, до боли сжимая мою руку. – Матвей мой! И останется моим!

Я неистово вырываюсь. Меня душат слёзы.

– Пошли отсюда, – Матвей хватается за руку и, игнорируя всех вокруг, уводит от толпы, а потом выводит из здания.

Потираю локоть, завтра там будет синяк. Раньше как-то выживала на улице... Но теперь, столкнувшись с таким обществом, понимаю, что ещё мало что в жизни видела. Не была подготовлена...

– Садись, – командует Матвей, распахивая передо мной дверь машины.

Я послушно опускаюсь в кресло и только сейчас замечаю, что из губы парня идёт кровь. Пока он пристёгивает меня

ремнём безопасности, прикасаюсь к его ране пальцами. Он замирает.

– Больно?

– Нет, – выдыхает тихо. – Зачем он тебя трогал?

Похоже, говорит о Давиде, но я не знаю, что ответить. Мысли смешиваются, превращаясь в бессвязную кучу.

– Он сделал тебе больно? – допытывается Матвей. Шарит по моему лицу взглядом в поисках ответа.

– Нет... Но теперь больно тебе, – дую на рану на его губе. – Нельзя же быть таким вспыльчивым.

Матвей смотрит на мои губы и заключает лицо в ладони.

– Ты такая наивная, Мира... Это подкупает.

Губы осторожно касаются моих, и я замираю. Дыхание перехватывает. Не пытаюсь вырваться, потому что глубоко внутри мечтала попробовать... Ведь это мой первый поцелуй.

Его рот с натиском поработывает мой. Поцелуй становится настойчивым и властным. Он языком размыкает мои губы и проникает в рот. Я чувствую вкус самого парня и его крови, но мне не кажется это противным. Всё происходящее очень волнует своей неизведанностью...

Впрочем, поцелуй заканчивается быстро. Матвей отстраняется и вновь заглядывает мне в глаза.

– Что ты почувствовала? – задаёт весьма странный вопрос, ответ на который я пока не могу озвучить.

Потому что не знаю...

Пожимаю плечами, пытаюсь восстановить сбившееся дыхание.

– А ты? Ты что-то почувствовал? – спрашиваю, немного смущаясь.

– Ничего... – Матвей качает головой. – Как и всегда – ничего.

Глава 6. Невеста

Я заламываю пальцы и нервно поглядываю на настенные часы.

Успела надеть платье. То самое, из секонд-хенда. Когда примерила дорогое, подаренное Матвеем, мне вдруг стало неудобно. Глядя на отражение в зеркале, казалось, что в нём я вижу кого-то другого. Это платье не подходило обычной девушке, какой я себя всегда считала. Слишком откровенное, с глубоким декольте и высоким вырезом на длинной юбке, оголяющим бедро. Где были мои глаза, когда я позволила Матвею его купить?

В общем, я надела другое платье и, повертевшись перед зеркалом, почувствовала себя ровно на свои семнадцать. Словно и правда готовилась к выпускному, и вскоре за мной должен был зайти одноклассник.

Правда, школу я закончила ещё в прошлом году. Да и Матвей не был похож ни на кого из знакомых мне парней. Внешне он напоминал своего отца, а внутренне словно был его полной противоположностью...

Надеваю туфли-лодочки и становлюсь немного выше. Волосы оставляю распущенными, но перекидываю их через одно плечо. Наношу немного туши на ресницы и блеска на губы. Выгляжу мило, а из-за пышного платья как-то воздушно.

Ровно в пять вечера покидаю квартиру, чтобы улизнуть до

прихода опекуниши. Не хочу отвечать на её вопросы, а она, безусловно, их задаст, как только заметит меня в таком виде.

Пока спускаюсь в лифте, молюсь, чтобы Матвей сегодня не опаздывал, и Бог вдруг слышит мои молитвы.

Когда сажусь в машину, парень не может скрыть улыбку, а потом и вовсе смеётся, разглядывая моё платье.

– Ты похожа на зефир, Мира!

– А ты на швейцарский сыр, – парирую тут же.

– Почему на швейцарский? – улыбка сползает с его губ.

– Такой же дорогой и невкусный.

– Я уверен, что ты даже не пробовала этот сыр, – хмыкает Матвей.

– Не пробовала, – соглашаюсь. – Но он даже выглядит невкусным, так что...

– Ладно, так и быть, ты не зефир, – добродушно говорит он. – Но платье забавное.

– Оно не подходит?

Я тут же начинаю нервничать. Всё мнимое спокойствие исчезает бесследно. Ладони потеют, а сердцебиение учащается. Неужели я действительно это делаю? Собираюсь пойти в дом Одинцова! Буду исполнять какую-то глупую роль. Боже...

У меня начинается паническая атака. Мне нечем дышать. Душит даже ремень безопасности, не говоря уже о платье.

– Мира! – строгий голос Матвея врывается в сознание. – Успокойся и прекрати вести себя как ребёнок!

– А я и есть ребёнок! – восклицаю, не подумав, и тут же прикусываю язык.

– Почему это?

Матвей подаётся вперёд и смотрит на меня с предельной серьёзностью. Под его строгим взглядом перестаю метаться в кресле и, опустив глаза, говорю еле слышно:

– Мне пока только семнадцать.

Он молчит, и мне приходится посмотреть на него, чтобы понять его настроение. Парень улыбается. Это неожиданно.

– Так ещё лучше! – заявляет воодушевлённо. – Представь, какой будет скандал! Сын Одинцова обрюхатил несовершеннолетнюю!

Я его радости не разделяю. И снова считаю дни до своего дня рождения. Осталось четыре...

Мы подъезжаем к огромному трёхэтажному особняку Одинцовых. Часть дома скрыта за высоким забором из красного кирпича. Ворота распахиваются, и машина въезжает в просторный двор. Всюду деревья, кусты, цветы... Создаётся впечатление, что за всей этой зеленью ухаживает специально обученный человек. Хотя, наверное, так и есть...

Матвей паркуется рядом с рольставнями гаража. Покинув машину, быстро её обходит и распахивает мою дверь. Я прирастаю к креслу. Пальцы так онемели, что я не в состоянии даже отстегнуться. Он делает это за меня и, схватив за колени, разворачивает так, что мои каблуки касаются брусчатки. Сам присаживается на корточки возле моих ног, предва-

рительно поддёрнув дорожные брюки. Только сейчас я замечаю, что на нём атласная рубашка под цвет моего платья. И волосы немного уложены гелем. В общем, выглядит он на все сто.

Парень продолжает удерживать мои колени в своих руках, тем самым не позволяя двигаться. Я продолжаю нервничать теперь ещё и от его странного поведения.

– У меня для тебя кое-что есть, – негромко говорит Матвей, запустив руку в карман брюк. Через мгновение перед моим лицом появляется его раскрытая ладонь, в центре которой лежит колечко. – Очень надеюсь, что угадал с размером. Дай руку.

Хватает меня за правую руку, но я тут же её отдёргиваю.

– Зачем мне кольцо? – спрашиваю испуганно.

Вижу, что оно дорогое. На нём поблёскивают драгоценные камни... Никогда ничего подобного я не носила.

– Ты же хотела аванс, Мира, – отвечает Матвей, вновь хватая меня за руку.

Проворно надевает кольцо на безымянный палец. Оно оказывается немного великовато. Матвей чертыхается.

– Ладно, позже убавим.

– Не нужен мне аванс, – я пытаюсь снять колечко, но парень всё ещё удерживает мою руку.

– Ты оставишь кольцо, Мира! – говорит он непреклонно. – Во-первых, ты моя невеста, и оно должно у тебя быть. А во-вторых, я хочу, чтобы у тебя был аванс. В случае чего, ты

всегда сможешь его продать и получить хорошие деньги.

Не сомневаюсь, что деньги, и правда, будут хорошими...
Больше не спорю, потому что это бесполезно.

Матвей выпрямляется во весь рост и помогает мне выбраться из машины.

– Да начнётся шоу!

Он потирает руки. В его взгляде поблёскивает азарт.

– Ты готова? – спрашивает меня, когда приближаемся к входной двери.

Нет... Но уже поздно убежать, верно?

Глава 7. Ловушка

Внутри дом просто огромный. Просторный холл переходит в большую гостиную, смежную со столовой. Потолки высотой не меньше шести метров. А ещё я вижу две широкие лестницы, соединяющиеся в нечто, напоминающее балкон, за которым виден коридор. Должно быть, там располагаются спальни.

– Ты посмотри, сколько народа! – довольно замечает Матвей и присвистывает. – Все просто мечтают поздравить Одинцова!

– С чем поздравить? – шепчу ему в ухо и тут же отпрыгиваю в сторону, потому что мимо проносится официант с подносом.

Народу, и правда, очень много. В гостиной накрыты столы со всевозможными закусками. Гости неторопливо перемещаются, негромко беседуя. Музыки нет. Люди одеты строго, но с очевидным лоском. Атмосфера напоминает похороны, и я чувствую себя крайне неуютно в своём весёленьком платье.

– У моего отца сегодня день рождения, – говорит Матвей с некоторой заминкой. – Ему исполнилось сорок два.

Я бледнею от шока. До этой минуты и не задумывалась, в честь чего этот званый ужин. И не спрашивала... А теперь просто сгораю от стыда. Припёрлась в дом Одинцова, чтобы

испортить ему праздник. Какая же я дура!

Путаясь в подоле платья, неловко разворачиваюсь и устремляюсь в холл. Почти добегаю до двери, но Матвей хватает меня за локоть и, удерживая на месте, с возмущением цедит у виска:

– Куда ты собралась?

– Домой, – пытаюсь вырваться. – Это же его день рождения! Нельзя так поступать...

– Можно! И нужно! Ты же согласилась мне помочь!

Матвей сгребает меня в охапку и прижимает к своей груди. Его губы касаются макушки, а руки гладят плечи.

– Веди себя непринуждённо, – только и успевает выдохнуть парень, прежде чем совсем близко раздаётся ещё один голос.

Его голос.

– Сын...

Звук шагов по кафельному полу. Лёгкое дыхание касается моего плеча. Я машинально дёргаю головой и тут же врезаюсь взглядом в серо-зелёные глаза, которые смотрят на меня с пристальным вниманием. Правда, почти сразу же Одинцов-старший переводит взгляд на лицо Матвея.

– Что происходит? – спрашивает он сына, и его широкие брови немного хмурятся.

– Ничего, – сухо бросает Матвей, отпуская меня, наконец. На его губах появляется усмешка: – Подумал, что ты не будешь против, если я приду не один.

– Нет, я не против.

Александр Одинцов вновь смотрит на меня и, кажется, хочет что-то сказать, но его настойчиво зовут из гостиной.

– Позволь представить тебе... – начинает было Матвей, но его отец быстро извиняется и уходит. – Пиздец! – восклицает парень. – Да кого я обманываю? – взъерошивает волосы. – Даже будь у меня сразу пять невест и все беременные, он вряд ли обратил бы на это внимание.

– Он просто занят, – неожиданно встаю на защиту Одинцова-старшего, отчего Матвей скрипит зубами. – Посмотри, сколько у него гостей. Всем же нужно уделить внимание.

В этот момент Александр Одинцов проходит через холл в компании двух здоровенных мужчин и скрывается за неприметной дверью в дальнем углу.

– Внимание, говоришь? – хмыкает Матвей. – Да его даже в гостиной уже нет. Ему на всех плевать... Ладно, похеру. Пойдём лучше, выпьем.

Он тянет меня за руку. Я вроде собиралась сбежать, но увидев Одинцова, уже не думаю о побеге.

– Я, вообще-то, не пью, – сообщаю Матвею.

– Конечно-конечно, ты же беременна. Тебе только сок предлагается.

Он изображает на лице веселье... И почти весь вечер удерживает это веселье и даже какую-то беззаботность. С кажущейся радостью общается с окружающими, знакомит меня со всеми подряд. Конечно, представляет невестой. Беремен-

ной несовершеннолетней невестой. И наслаждается реакцией на эту сенсацию.

Мне дурно... Кажется, все собравшиеся – а это партнёры по бизнесу, журналисты и политики – обсуждают только меня.

Одинцов-старший почти не показывается на глаза, а когда всё-таки ненадолго уделяет внимание гостям, почти сразу извиняется и вновь уходит. И я даже рада, что он пока не слышал главную сплетню этого вечера. Впрочем, скоро услышит.

Должно быть, я просто сгорю со стыда.

Матвей активно налегает на спиртное и уже плохо контролирует своё поведение. Всё время меня обнимает, нашёптывая комплименты, и нежно целует в шею или в плечо. И все окружающие, конечно, наблюдают за проявлением его чувств к беременной невесте. Сама я и двух слов никому не сказала, пытаюсь быть невидимкой. И чувствую, что остро нуждаюсь в передышке.

– Мне нужно в туалет, – шепчу Матвею, выпутываясь из его объятий.

– Я провожу, – он с готовностью ставит очередной бокал на край стола и, взяв за руку, ведёт меня в холл. – Вон та дверь, – указывает в дальний угол.

– Спасибо. Я найду дорогу обратно, – обещаю ему, натянуто улыбаясь.

Он возвращается в гостиную, а я шмыгаю к входной двери

и выбегаю на крыльцо. В туалет я пока не хочу, а вот глотнуть свежего воздуха...

На улице уже стемнело. Подобрав подол платья, осторожно спускаюсь по лестнице. Сад хорошо освещён, и я неспешно шагаю вперёд по идеально ровной дорожке, выложенной брусчаткой. Стараюсь ступать почти беззвучно, но мои каблуки всё равно постукивают. Я пугаюсь каждого шороха, комкая ткань платья в ладонях, но возвращаться обратно пока не хочу.

Это всё слишком... Слишком! Эти богатеи, это общество, эта ложь... И ещё сам хозяин дома... Его лицо до сих пор стоит перед глазами. Лёгкая небритость на широких скулах и волевом подбородке... Слегка отросшие на макушке волосы в относительном порядке, но так же, как у сына, немного торчат. Пухлые, красиво очерченные губы... Глаза как у пантеры... Завораживающие и пугающие одновременно. Элегантный. В строгом костюме тёмно-синего цвета.

Этот мужчина приковывает взгляд, невзирая на то, хочет он этого или нет.

Так значит, ему сорок два... А Матвею двадцать. Александр Одинцов слишком рано стал папой. Я всегда думала, что он старше.

Неторопливо прохожу мимо машины Матвея. Что находится в этой части сада, я не знаю, и решаю повернуть обратно. Однако тут же замечаю, что ворота гаража приоткрыты, и оттуда виднеется полоска света. Но это же не моё дело,

верно? Зачем мне смотреть, кто находится в гараже?

Поворачиваю обратно, но и шагу не успеваю ступить, потому что слышу сдавленный крик. Потом шум какой-то возни или ударов... Не понимаю... Мои ноги прирастают к брусчатке. Я вновь смотрю на гараж. А потом неожиданно для себя иду на странные звуки. Сама загоняю себя в ловушку, ведь любопытство никогда не приводит ни к чему хорошему.

Оказавшись рядом, немного сгибаюсь и подныриваю под рольставни. В помещении горит тусклый свет, но я никого не вижу. Гараж оказывается просто огромным. Несколько машин припарковано у дальней стены. Множество стеллажей ровными рядами стоят по периметру, и я передвигаюсь так, чтобы в любой момент суметь спрятаться за одним из них. Сказать, что я делаю это очень громко – ничего не сказать. Как бы ни придерживала подол платья, он всё равно шуршит и задевает инструменты и коробки на нижних полках стеллажей.

Когда дохожу до самой последней машины, она заводится, и загораются фары. Я ныряю за стеллаж, выглядываю из-за него, и меня тут же сотрясает дрожь.

В свете фар – лужа крови. Двое амбалов заталкивают кого-то в машину, а Одинцов просто стоит рядом, запустив руки в карманы брюк. Пиджака на нём нет. Манжеты рубашки закатаны до локтей, обнажая вздутые вены на крепких руках. Его взгляд направлен будто бы сквозь машину.

Вдруг он резко дёргает головой и впивается взглядом в

моё лицо. Вот теперь я точно в ловушке...

Начинаю пятиться. Он отдаёт распоряжение амбалам, и те садятся в машину. Авто катится к медленно поднимающимся рольставням. Одинцов так же медленно двигается в мою сторону.

Затравленно смотрю на ворота гаража. Успею ли я рвануть туда, пока они не захлопнутся, запечатывая меня в этой темнице? Не успею. Потому что в ту же секунду мужчина оказывается рядом и нависает коршуном, пригвождая к месту одним только взглядом. Он и пальцем меня не трогает, но я замираю, как парализованная.

– Ты журналистка? – тихо спрашивает Одинцов, но в его голосе улавливается угроза.

Я могу только мычать, поэтому просто отчаянно качаю головой.

– Что ты видела? – наседает мужчина, оттесняя меня к стене.

Врезаюсь в неё спиной и хрипло выдыхаю:

– Ничего...

Но тут же дёргаю головой и смотрю на лужу крови, чем и выдаю себя с потрохами. Начинаю дрожать как осиновый лист.

– Я никому ничего не скажу, – заверяю его сдавленным голосом.

– О чём? – интересуется он, немного склонив голову вбок.

– О... Об этом, – машу рукой в сторону крови.

Боже... Чья это кровь?

Между нами повисает молчание. Одинцов словно в голову мне забирается. Его взгляд сосредоточен на моих глазах, полных слёз.

– Иди отсюда, – наконец говорит он, отступая на шаг.

– Не выйдет, пап! – внезапно рядом раздаётся голос Матвея, и Александр резко разворачивается. – Она никуда не уйдёт, – расплывшись в ядовитой улыбке, продолжает Матвей. Быстро приближается и по-хозяйски обнимает меня за плечи. Его отец наблюдает за действиями парня отстранённо. – Я смотрю, ты уже познакомился с моей невестой?

– Можно и так сказать, – глухо отзывается Одинцов-старший. – На каком она сроке?

Похоже, он всё-таки слышал главную сплетню...

– Мы недавно узнали, – продолжает лыбиться Матвей.

– Так на каком? – повторяет Одинцов, внимательно вглядываясь в лицо сына.

– Три недели, – выдыхаю я вместо Матвея, и мужчина тут же переводит взгляд на меня.

От этого взгляда даже вздохнуть не получается. Он, словно детектор лжи, сканирует, проверяя меня на прочность. А я совсем не прочная. В любую секунду могу запаниковать и сбежать, куда подальше.

О чём я только думала? Ни за что нам его не обмануть!

– Проследи, чтобы сегодня она осталась здесь, – сухо командует Одинцов, возвращая манжеты рубашки на место.

– Твоя невеста кое-что видела, сын. Поэтому она останется здесь до того момента, пока я не установлю её личность.

С этими словами Одинцов-старший уходит.

– ДА ТЫ ПАРАНОИК! – злобно выкрикивает Матвей ему вслед, всплеснув руками.

Однако его отец уже ушёл. Скрылся за неприметной дверью, ведущей обратно в дом.

– Ты как сюда попала? – Матвей берёт меня за плечи и вглядывается в моё испуганное лицо.

Но я не могу ответить. Я даже дышать всё ещё не могу...

Боже... Мне придётся остаться в его доме...

Глава 8. Беглянка

Одинцов

Мой сын меня ненавидит...

Моя жена погибла десять лет назад, а он до сих пор меня винит. Что ж... наверное, небезосновательно...

Сегодня я, как и всегда, встал рано. Несмотря на то, что гости разошлись глубоко за полночь, а потом я ещё долго не мог уснуть от присутствия посторонней девицы в доме, привычки всегда остаются привычками. Мой день всегда начинается в шесть утра.

Самая крупная строительная империя во всём регионе – это то, чего я смог добиться благодаря упорству и жёсткому режиму. И ничто не может изменить мой распорядок дня.

Подношу чашку кофе к губам и тут же зависаю возле окна, выходящего на задний двор. Часы показывают лишь семь утра, а эта девчонка уже на ногах. Озираясь по сторонам, двигается в сторону задней калитки, ведь центральные ворота по моему приказу были наглухо закрыты, как только последние гости покинули дом.

Чертыхаюсь себе под нос, потому что Матвей, видимо, плохо донёс до неё мои требования. Девчонка не должна сбегать. Возможно, она не представляет угрозы для моего сына, но сначала нужно в этом убедиться.

Я спускаюсь в холл и прохожу в столовую. Ставлю чаш-

ку с недопитым кофе на стол и покидаю дом через террасу, которая как раз выходит на задний двор. Девчонку вижу почти сразу. Она дёргает ручку неприметной калитки, которая давно заросла плющом и заколочена тоже очень давно. С тех самых пор, как начальник моей охраны настоял на том, чтобы я оставил лишь один доступ к дому.

Приближаюсь к девчонке почти беззвучно и, прислонившись к забору, скрещиваю руки на груди. Она так увлечена процессом, так хочет открыть дверь, что меня вообще не замечает. Сейчас на ней нет того забавного пышного платья. Его сменила футболка сына. И такой наряд мне не кажется забавным. Вещь хоть и длинная, но едва прикрывает её задницу. И я невольно впериваю взгляд в девичьи прелести, когда от резких движений подол футболки задирается ещё выше.

– Куда собралась? – спрашиваю ровным голосом, оторвав наконец взгляд от стройных бёдер.

Девчонка подпрыгивает от неожиданности. Каблуки её туфель неминуемо разъезжаются, и она неловко падает на пятую точку. Отрываюсь от забора и подаю ей руку. Она скидывает голову, сдувает непослушные пряди с лица и бесстрашно взирает на меня снизу вверх своими огромными синими глазищами.

Сегодня девушка кажется немного уверенней, чем вчера. А ещё явно злится, потому что упрямо скидывает подбородок и вскакивает на ноги самостоятельно.

– Я хочу уйти, – решительно произносит она наконец. – Вы не можете держать меня здесь силой...

– Скажи мне своё имя, фамилию и дату рождения. К вечеру я получу информацию о тебе, и ты сможешь быть свободна... Но вот только куда тебе торопиться? – наклонив голову набок, медленно скольжу взглядом по её фигурке. Взгляд цепляется за край футболки, который она неистово тянет вниз, и тут же я замечаю кольцо с увесистым камнем. – Ты же будущая жена моего сына, – киваю на кольцо, – и вполне можешь остаться здесь. На правах моей невестки.

Мой голос невольно выдаёт раздражение. Вчера сын опозорил меня тем, что во всеуслышание заявил о её беременности. И о том, что ей ещё нет восемнадцати.

Я привык к его выходкам. Порой даже не удивляюсь. Но вчера он перешёл все допустимые границы. Но отсрочить свой отъезд в Штаты у него всё равно не получится. Как и прикрыться выдуманной невестой. Очевидно, что девчонка не беременна. Наверняка даже и не была с мужчиной. И мне вдруг становится любопытно... Думаю, будет приятно вывести её на чистую воду.

– Мне нужно вернуться домой, – она вновь дёргается к калитке. – Опекунша заявит в полицию о моей пропаже.

– Опекунша? – я удивлён.

– Да, я пока живу с ней. До моего совершеннолетия она отвечает за меня...

– И когда оно наступит?... Твоё совершеннолетие?

– Через три дня, – отвечает девчонка, потупив взгляд.

Вот как! Через три дня она станет совсем взрослой?! И ей придётся нести ответственность за ту ложь, которую она пытается мне скормить.

– Так позвони своей опекунке и скажи ей, что теперь ты живёшь у своего жениха. Три дня – это мелочи.

– У меня нет телефона, – синие глаза робко поднимаются к моему лицу. – Был раньше... но разбился.

Я машинально забираюсь в карманы брюк, но они оказываются пустыми. Мой телефон остался в спальне. Бросаю взгляд на дом.

– Пошли, я дам тебе позвонить, – вновь смотрю на девчонку, которая так и держится за ручку калитки. – Оставь свои неуместные попытки сбежать из этого дома, к тому же в таком виде, – вновь осматриваю её фигуру. Для семнадцати она кажется вполне созревшей. – Ты уйдешь отсюда, только когда я тебе позволю.

Разворачиваюсь и не спеша иду к террасе. За спиной слышу стук её каблучков и добавляю, не оборачиваясь:

– Весь периметр просматривается камерами, за которыми неустанно следит охрана. Если бы ты решила, что сможешь, например, перелезть через забор... В общем, представляю, какое шоу лицезрели бы охранники.

Через плечо бросаю взгляд на её бёдра. Девчонка вновь тянет футболку вниз, и я, отвернувшись, позволяю себе улыбнуться.

Вообще-то, она забавная...

– Жди здесь, – бросаю я, как только оказываемся в столовой.

Девчонка сразу садится на стул и, скрестив свои длинные ноги, натягивает футболку до самых колен. Я качаю головой. Почему меня так беспокоят её ноги?

– Скажи Матвею, чтобы купил тебе одежду. Нормальную. Скромную.

Отворачиваюсь, болезненно морщась. Всё это не моё дело...

Поднимаюсь на второй этаж, прохожу мимо комнаты сына, который, конечно, спит в столь ранний час. Выбить бы эту дверь ногой, чтобы мальчишка хоть немного встрепенулся, что ли. Ему уже давно не десять, но иногда ведёт себя как ребёнок, который все ещё не смирился со смертью матери. Порой цепляется за её смерть, чтобы манипулировать мной. И я всегда ведусь... Вашу ж мать, всегда! Потому что он мой сын, моя плоть и кровь... Несмотря на его ненависть ко мне, я всё равно его люблю. И прощаю очень многое. То, что кому-то другому с рук не сошло бы.

Миновав дверь его комнаты, захожу в свою спальню, беру телефон и ключи от машины и сразу иду обратно. Когда возвращаюсь в столовую, девчонки там уже нет. Поднимаю обречённый взгляд в потолок. Твою ж мать, за что?

Однако тут же слышу шорохи из кухни и иду на них. За-

стаю горе-беглянку за весьма странным занятием, которое в моём доме случается нечасто. Она готовит. В данный момент разбивает яйца в глубокую миску. Рядом лежат кусочки хлеба. Газ включён, на плите стоит сковорода. Девчонка вновь меня не замечает. Сосредоточенно взбив яйца, щедро солит смесь и, промокнув в ней хлеб, выкладывает его на сковороду. Взяв вилку, поддевает куски хлеба и ловко переворачивает, обжаривая каждую сторону.

Моя покойная жена, кажется, называла это блюдо гренки. Готовила их иногда по воскресеньям на завтрак...

Забытый запах тут же вызывает смешанные чувства. А видеть девушку на своей кухне – вообще нечто сюрреалистичное.

Я обычно питаюсь в ресторане или заказываю готовую еду домой. Матвей ничего кроме пиццы и фастфудов вообще не ест. Иногда я готовлю сам, чтобы попытаться накормить сына нормальной пищей, но это случается всё реже, потому что Матвей игнорирует мои попытки сблизиться с ним.

А ещё странность этого утра в том, что в моём доме уже давно не бывает женщин. Всё ещё оберегая чувства Матвея, сексуальную разрядку я предпочитаю получать где-то вне дома. Постоянных отношений не завожу, лишь скоротечные интрижки. У меня нет проблем с женским полом. Я щедро плачу любовницам, чтобы обезопасить себя от их навязчивости. Не желаю ни к кому привязываться...

Чёрт... Я уже довольно долго стою, глаза на девчонку. Те-

нюю замер в дверном проёме, словно спугнуть боюсь... Хрен знает... Может даже zalюбовался самую малость на то, как умело она порхает по кухне. Будто знает, где что стоит...

Бросаю взгляд на часы. Собственный распорядок вдруг дал трещину, что, вообще-то, редко случается. Однако я пока не могу уйти.

– Я тоже буду! – отрываюсь наконец от стены и прохожу в кухню.

Подпрыгнув от неожиданности, девчонка тихо ойкает. Быстро выключает газ и суетливо сгребает все гренки со сковороды на тарелку.

– Надеюсь, ничего страшного в том, что я похозяйничала тут немного?

Пожимаю плечами. Сказать ей прямо, что я даже рад этому, у меня почему-то язык не поворачивается.

Возвращаюсь в столовую и забираю свою чашку с остывшим кофе, собираясь сварить новый, а заодно предложить и ей. Но зайдя на кухню, вижу, что она и с кофемашиной успела разобраться.

– С молоком или чёрный? – интересуется у меня с милой улыбочкой на губах.

– Чёрный.

Наблюдаю за её действиями с отстранённым видом. За тем, как она наполняет чашки горячим напитком и относит их в столовую. Потом возвращается за тарелкой с гренками. Вновь мило улыбается мне и идёт обратно.

Я отмираю и двигаюсь следом. Мы садимся за стол напротив друг друга...

Это странно. Особенно для меня, как для человека, который планирует каждый шаг своей жизни. А девчонка в короткой футболке за моим столом... Да уж. Такое не запланируешь!

– Приятного аппетита, – вежливо произносит она, подсовывая тарелку мне под нос.

Пахнет вкусно. Гренки выглядят заманчиво, а синие глаза смотрят с некой мольбой. Я пробую обжаренный ломтик хлеба, и его вкус наполняет меня смешанными чувствами. Мысли о покойной жене сейчас вызывают дискомфорт, и я быстро встряхиваю их из головы. Как бы ни старался, прошлое невозможно исправить...

– Ну как? Вкусно?

Невеста сына продолжает смотреть на меня с мольбой, и я кивком головы отвечаю на её вопрос. Съедаю ещё два гренка, допиваю кофе и просто наблюдаю за тем, как ест она. Потом отставляю чашку и, скрестив руки на груди, откидываюсь на спинку стула. Сразу привлекаю этим внимание девушки, и она бросает неловкий взгляд на меня. Кажется, от её внимания не ускользает даже моя поза. Она быстро дожёвывает, делает глоток кофе и, расправив плечи, старается показаться бесстрашной. Но нервно кусает губы и время от времени с надеждой поглядывает через моё плечо.

Я знаю, на что она надеется. Ждёт, что в столовой появит-

ся мой сын, и тогда врать будет намного легче. Но нет, он не проснётся до обеда. Странно, что, будучи его невестой, она этого не знает.

– Ты можешь мне не выкать и называть меня Сашей, – начинаю миролюбиво. – Но я всё ещё не получил ответов на свои вопросы. Твоё имя? Фамилия?

– Сашей? – переспрашивает девчонка. – Но... это как-то странно.

– Странно? Хорошо, тогда Александр Константинович. Так не странно? – бросаю довольно резко, потому что меня вдруг задевает её реакция.

Она задумывается. Чёрт, реально задумывается над тем, как именно будет меня называть! Что это за святая простота?

– Мне нравится... Саша, – выдыхает девчонка. – Меня зовут Мира. Мира Яровая.

Я вновь подвисяю, захлебнувшись вдруг в синеве её глаз. Красивое имя для весьма красивой девочки. Странно, но для её возраста она кажется очень целостной, без намёка на подростковые задвижки. Скорее, ей присуща какая-то космичность. Словно она немного не из мира сего.

– И если я копну поглубже, то не найду о тебе, Мира Яровая, никакого противозаконного компромата, верно? – внимательно вглядываюсь в её лицо.

Очевидно, что она и мухи не обидит. А вчерашний «гость», с которым пришлось экстренно разобраться, никак с ней не связан.

– Нет, не найдёте. Я законопослушная.

Извлекаю из кармана телефон и кладу его в центр стола.

– Позвони домой, – настоятельно прошу, поднимаясь. –

Успокой опекуншу, скажи, что ты теперь живёшь в доме Одинцова. Не поверит – я сам с ней поговорю.

Вчера они с Матвеем заварили кашу. Выставь я девчонку прямо сейчас – мой сын добьётся того, чего желает. А именно – докажет всем вокруг, что его отец жестокий тиран, которому плевать на всех вокруг, в том числе и на беременную невестку. К тому же, ещё и сиротку. Пусть сначала признается, что лжёт. После я её отпущу...

Глава 9. Вспомнить...

Мира

Саша даже не скрывает, что слушает мой разговор с опекуницей.

Конечно, он мне не доверяет, только вот я не понимаю, чем могу быть так опасна. Да, я видела кровь на полу в гараже, только вот кто мне поверит? К тому же, если честно, я и не стала бы болтать об увиденном. Одинцов не тот человек, которому стоит переходить дорогу. И не потому, что он, возможно, вчера причинил кому-то увечья. А потому, что для меня он навсегда останется самым добрым и заботливым мужчиной в этом мире...

В какой-то момент Саша забирает у меня телефон, сухо представляется и выходит из столовой, не желая, чтобы я слышала, о чём он будет говорить с опекуном. Вновь решает всё самостоятельно, а я с превеликой радостью позволяю ему это сделать. Прикрыв глаза, откидываюсь на спинку стула. И позволяю себе... вспомнить...

Занесённый снегом парк. Я утопаю в снегу по колени, но продолжаю идти. Убегаю. С упорством двигаюсь вперёд, но уже не понимаю, как сюда попала и как выбраться. Мне уже плевать.

Опустившись на ледяную лавочку, шмыгаю носом. Прячу

руки в карманы, а нос в ворот старой тяжёлой дублёнки. Очень холодно... Но лучше я здесь замёрзну, чем буду жить в этой новой семье. Это не моя семья.

Ложусь на лавочку, ощущая, как всё тело сковывает холодом. Крупная дрожь, сотрясающая меня, приносит боль. Смотрю на то, как от мороза искрится снег в лучах заходящего солнца. И когда последний луч скрывается за шапкой деревьев, мои веки опускаются.

Мне восемь... почти. Мои родители попали в аварию. У нас не нашлось родственников, которые вызвали бы доверие у службы опеки, поэтому мне быстро нашли новую семью.

Но я не хочу новую! Я хочу, чтобы всё было, как раньше.

Слёзы стекают из-под век и ледяной коркой застывают на щеках. Я убежала, потому что мне страшно. Страшно жить с незнакомцами. Они мне не нравятся.

Кажется, мне удаётся заснуть. Не знаю, сколько я здесь лежу. Уже практически не чувствую своего тела. Ничего не ощущаю...

Но меня всё-таки приводят в чувство. Настойчиво пытаются разбудить. А когда я пытаюсь открыть глаза и пошевелить одеревеневшими конечностями, подхватывают на руки. Мне кажется, я парю в невесомости. Прижимаюсь щекой к чему-то тёплому. Невольно улыбаюсь от того, как хорошо, и вновь проваливаюсь в сон.

Время от времени мой разум пытается включиться. Стараюсь открыть глаза, но у меня не получается. Лишь

чувствую, как меня кладут на что-то мягкое и заворачивают в мягкий кокон. Хлопает дверь машины... Движение... Вновь невесомость.

Голоса. Они говорят обо мне. Один голос я узнаю, это социальный работник.

– Александр Константинович, Иру нужно вернуть в приёмную семью. Они же тоже волнуются.

Второй голос – приятный мужской – мне незнаком, но именно он взывал к моему сознанию, пока я лежала на лавочке. Тогда он звучал ласково, а сейчас с некоторым раздражением.

– От нормальных дети не сбегают, – говорит мужчина. – Ира побудет здесь. Пусть придёт в себя. А они могут прийти за ней завтра. Заодно узнаем, почему она сбежала.

Голоса затихают, слышится хлопок закрывающейся двери, и я с большим трудом распахиваю глаза. Темно. Я лежу на большой кровати в большой комнате. Теперь я знаю, что это его комната. В ней пахнет так же приятно, как пахнет от него.

Мужчина возвращается внезапно. От испуга я вновь захлопываю глаза. Лежу смирно. Не знаю, где я и кто рядом. Но на каком-то подсознательном уровне чувствую, что мне не нужно бояться.

– Она ушла, ты можешь открыть глаза, – негромко звучит мужской голос, в котором слышится улыбка. – Как ты себя чувствуешь? – а теперь забота.

Поднимаю тяжёлые веки и сразу вижу его лицо. Серо-зелёные глаза в свете ночника на прикроватной тумбочке лучатся заботой и участием.

– Ты согрелась? – спрашивает мужчина.

Я могу лишь кивнуть, потому что язык меня не слушается. Скидываю плед, и незнакомец помогает мне снять дублёнку, шапку и валенки. С них растекается грязная лужа на чистом полу. Мне неловко от того, что я запачкала его пол.

Мужчина помогает мне устроиться на подушках. Ведёт себя сдержанно. Словно в любой момент я могу сбежать и вновь потеряюсь. Но от него мне не хочется бежать. Может, он моя новая семья? Или хочет его стать?

– У тебя что-нибудь болит? – он осматривает мои покрасневшие руки. А потом, сняв носки, и ноги.

– Нет, – отвечаю хриплым голосом.

Его брови хмурятся. Он смотрит на меня так, словно сейчас начнёт отчитывать, говорить, как плохо убежать. Но он лишь качает головой и, вздохнув, растягивает на губах грустную улыбку.

– Ты зря так рисковала, – произносит негромко, и улыбка сползает с его лица. – Никому бы ничего не доказала, если бы с тобой что-то случилось. А мир просто потерял бы такую прекрасную девочку.

– Миру плевать на меня, – пожимаю плечами, отводя взгляд.

– Тогда докажи всему миру, что ты лучшая. Стань этим

миром.

– Стать миром? Как это? – вновь вглядываюсь в лицо мужчины в поисках ответа.

Словно он знает какую-то тайну, которая поможет мне жить дальше, несмотря ни на что.

– Ты вырастешь, повзрослеешь, превратишься в красивую женщину. Получишь образование, устроишься на работу и будешь взбираться по карьерной лестнице, пока не достигнешь невероятных высот, – он говорит убаюкивающе, и мои веки сами собой опускаются. – Каждый из тех, кто узнает тебя, будет считать тебя сильной, непробиваемой. Будет нуждаться в твоей помощи. С обожанием смотреть на тебя. А ещё ты выйдешь замуж. И муж тоже будет обожать тебя. А когда у вас родится ребёнок, он будет смотреть на тебя так, словно ты его мир. Потому что так и будет. Ведь без тебя его не могло бы существовать. Ты ещё слишком маленькая, чтобы понять всё, что я говорю, но я хочу, чтобы ты запомнила мои слова... И когда-нибудь стала миром для многих людей.

Слабо киваю, вновь чувствуя, как моё тело расслабляется, а сознание соскальзывает в сон...

Я услышала и запомнила каждое его слово. А то, что не запомнила, со временем всплывало в памяти и вновь звучало в голове его приятным голосом.

Я терпеть не могла своё имя. Ира... Ира Селивёрстова не могла завоевать мир, она была слишком несчастна. А я хо-

тела стать МИРОМ! И позже мне удалось взять имя Мира. А очередная приёмная семья наградила новой фамилией.

Александр Одинцов вселил в меня надежду. Ободрел. Сказал правильные слова. Растопил лёд в застывшем сердце. Заполнил пустоту внутри... Я не знала, почему. Почему именно он нашёл меня и был так добр. Никто не отвечал на мои вопросы, когда я пыталась это выяснить, и я перестала спрашивать. Стала думать, что в тот вечер он просто стал моим ангелом-спасителем. Была ему благодарна. И никогда о нём не забывала.

Приёмные родители менялись одни за другими, жизнь продолжала меня бить, но я ждала... Ждала, когда мне исполнится восемнадцать, я смогу жить самостоятельно и буду стремиться к тому, что он мне сказал. Получу образование, стану женой и мамой. Чьим-то миром...

Никогда не думала, что когда-нибудь мы встретимся. Его лицо так остро врезалось в память, что и так было всегда со мной. Но вот теперь я вновь в его доме. И он вновь говорит со мной. Пытается казаться строгим, опасным... Только вот маленькая девочка внутри меня его не боится. Повзрослевшая Мира – да, она немного напугана. Но лишь от того, что начинает чувствовать нечто странное к этому мужчине...

Саша возвращается в столовую. В его руках нет телефона. Он приближается к столу, хватает чашку и одним глотком допивает кофе. А я смотрю на то, как дёргается его кадык.

Хотя всё время пытаюсь не пялиться на него, ведь говорить о том, что когда-то он спас меня, не собираюсь.

Я ещё не выросла в успешную женщину. Он будет разочарован.

Одинцов скрывается на кухне. Слышу, как он ополаскивает чашку, и тоже поднимаюсь из-за стола. Собираю посуду и иду её мыть.

Он молчит о разговоре с моей опекуной. Но мне слабо верится, что Одинцов не смог её убедить.

Я и рада, и опечалена тем фактом, что мне придётся здесь остаться. Рада потому, что снова нахожусь в обществе своего спасителя, испытывая приятное дежавю. Несчастлива, потому что мне приходится его обманывать, прикидываясь невестой его сына.

Боже... Беременной невестой!

Прохожу в кухню, замираю в шаге от мужчины и жду, когда он вытрет руки полотенцем. Он смещается в сторону, освобождая мне путь к раковине. Чувствую, что вновь проводит по мне взглядом, и у меня начинает гореть кожа на открытых бёдрах. Нужно было надеть своё платье, когда решила сбежать. Сейчас я чувствую себя голой.

– Матвей встанет через пару часов, – говорит Саша, облокотившись на столешницу, пока я мою посуду. – Я уже везде опоздал, поэтому могу свозить тебя в магазин. Ну или домой, чтобы ты забрала свои вещи.

– Матвею не нравятся мои вещи, – говорю с улыбкой, про-

тирая посуду.

Одинцов кусает нижнюю губу, стараясь скрыть усмешку.

– Он любит красивые вещи, – говорит, покачивая головой.
– И красивых девушек.

И смотрит он в этот момент так, словно я – красивая. Но его сын так не считает...

Покраснев до кончиков ушей, отворачиваюсь и тянусь к сушилке в шкафу, чтобы поставить чистую чашку. Внезапно чувствую, как Одинцов резко дёргает мою футболку вниз, обжигая кожу на ягодицах случайным касанием своих пальцев. Стремительно проходит мимо меня и покидает кухню, не попрощавшись. А через несколько секунд я слышу, как хлопает входная дверь.

Глава 10. Лже-любовь...

Мира

– Ммм... Пахнет вкусно. Что у нас на завтрак?

В столовой появляется заспанный Матвей. Лениво потягивается, демонстрируя косые мышцы, потому что его шорты немного сползают на бёдра, и вольготно разваливается за столом. Смотрю на него с недоумением. Одинцов покинул дом две минуты назад. Как отъезжала его машина, я видела в окно. И он сказал, что Матвей не встанет до обеда. Но тот уже почему-то на ногах.

– Что? – спрашивает парень, потирая лицо. – Да, я чертовски не выспался, но проснулся, не застал тебя рядом и больше не смог уснуть. Мне понравилось спать с тобой в одной постели.

Вообще-то, я настаивала на том, что кто-то из нас должен лечь на полу. Даже свою кандидатуру выдвигала. Однако Матвей наотрез отказался, приводя вполне весомые доводы. Что может заглянуть его отец и увидеть... Что на полу жутко неудобно...

Я впервые спала в одной кровати с парнем. И хотя он сразу уснул и не притрагивался ко мне, это всё равно было очень странно.

А сейчас мне даже не хватило времени, чтобы остыть после инцидента с Сашей. Импульсивный жест мужчины... Его

рука на моей попе заставила кожу полыхать, щёки горели с новой силой от неправильности происходящего.

– Я готовила гренки, но мы всё съели. Сейчас и тебе что-нибудь приготовлю, – тихо отвечаю Матвею, поскорее скрываясь в кухне.

Он идёт следом. И выглядит совершенно проснувшимся.

– Мы? – нависает надо мной, прижав к столешнице.

– Да, мы, – вскидываю голову, потому что Матвей не уступает своему отцу в росте.

Он как-то растерянно оглядывает кухню и тут же понимает:

– Ты завтракала с моим отцом?

– А что в этом такого?

Матвей так же, как и Одинцов-старший, осматривает меня с ног до головы. Его футболка и туфли... Да, не особо целомудренный вид.

– Почему ты вообще ушла из постели? Могла бы разбудить, – он, наконец, отступает и говорит вполне миролюбиво.

– Хотела сбежать, – признаюсь честно. – Мне страшно от того, что твой отец поймает нас на лжи. И я не хочу больше врать. И мне не нужны твои деньги.

Господи! Глупейшая сделка! Что бы там Матвей не думал, я пришла в этот дом совсем не ради денег.

– Ох, Мира-Мира, – Матвей притягивает меня к груди. – Мой отец, может, и кажется тебе монстром... Вообще-то, это так и есть. Но когда он узнает правду, вряд ли нас расстре-

ляет.

Мне Саша никогда не казался монстром... Даже вчера в гараже, когда его лицо в тусклом свете выглядело устрашающе, для меня он всё равно не был монстром.

– К тому же, – хмыкнув, продолжает Матвей, – я всё ещё настаиваю, чтобы ты приняла моё предложение.

Часто заморгав, поднимая глаза на его улыбающееся лицо. Спрашивать, какое предложение, не имеет смысла. Я помню, что он предлагал.

– Мы могли бы сделать ребёнка прямо сейчас! – воодушевлённо восклицает он и, подхватив меня за талию, начинает кружить по кухне. – Ты ни в чём не будешь нуждаться! Наш ребёнок тоже будет обеспечен на всю жизнь! И я не уеду в Штаты! Давай же, Мира! Соглашайся!

Матвей говорит всё это с задором. Его пальцы щекочут мои рёбра, пока он всё сильнее меня кружит. Невольно тоже начинаю хохотать, одновременно пытаюсь выкрутиться из его рук. Всё это безумство заканчивается громким падением на пол. Я приземляюсь на Матвея сверху, вышибая весь воздух из его груди. Он всё равно хохочет, а потом вдруг резко замолкает и переворачивается, подминая меня под себя. Коленом разводит мои ноги, устраивается между ними, вжимаясь пахом. Схватив мои руки, придавливает их к полу над моей головой.

Я начинаю задыхаться.

– Ну же Мира, я ведь не шучу, – шепчет напротив мо-

их губ. – Что ты теряешь? Я же предлагаю тебе нормальную жизнь. Будущее!

Не получается выдавить ни слова, потому что я ошеломлена. И придавлена к полу. И его взгляд такой умоляющий, что я не знаю, как отказать ему помягче.

– С сексом мы, конечно, можем подождать до твоего совершеннолетия, – вслух размышляет Матвей. – Но уже сейчас могли бы не прикидываться семьёй, а действительно стать ею.

Вот оно! Он так же, как и я, нуждается в семье. Отца по какой-то причине ненавидит, но семья ему всё равно нужна.

Нас прерывает хлопок входной двери и звук шагов. Запрокинув голову, в замешательстве смотрю в дверной проём и вижу Одинцова-старшего. Он явно что-то ищет в гостиной.

Ошарашенная, пытаюсь выбраться из-под Матвея, но он всё ещё держит меня очень крепко.

– Не дёргайся, Мира, – шикает парень, и я возвращаю взгляд к его лицу. – Не дёргайся, а ещё лучше – поцелуй меня. Мы же типа к свадьбе готовимся, влюблены, должны каждую минуту зажиматься по углам.

Сжимаю губы. Не стану я его целовать, тем более при отце.

В этот момент раздаётся голос Саши из гостиной:

– Я просто телефон оставил.

Вероятно, он говорит это мне, потому что не предполагает, что Матвей уже успел проснуться.

Шаги Одинцова-старшего начинают приближаться, но тут же затихают. Я буквально физически чувствую его взгляд на своей макушке. Матвей смотрит на отца, который, должно быть, замер в дверях. Губы парня растягиваются в самодовольной улыбке.

– Доброе утро, пап!

– Доброе, – отзывается Саша. – А ты ей живот-то не раздавишь?

Матвей, наконец, с меня слезает и помогает подняться с пола.

– Мы хотели приготовить завтрак и немного увлеклись... Ну ты понимаешь, – продолжает он веселиться.

Я позволяю себе взглянуть в лицо Одинцова-старшего.

– Понимаю, – отвечает тот ровным голосом. Задумчиво смотрит на меня, а потом бросает небрежно: – Развлекайтесь.

И с этими словами вновь покидает дом. А мне становится совсем паршиво. Вероятно, мы всё-таки смогли его обмануть своими лже-отношениями и моей лже-беременностью. И нам придётся играть в лже-любовь...

Глава 11. Влечение

Одинцов

Медленно пробираясь сквозь плотный поток машин, ловлю себя на том, что остервенелю сжимаю оплётку руля. Не знаю, что так сильно распалило – её оголённые бёдра, когда она, встав на носочки, потянулась к верхней полке шкафа, или её очевидный обман о беременности. Их обман.

Ни минуты не верю в это. И в то, что Матвей в свои двадцать так мечтает о браке и детях. А вот в то, что мой сын увлечён этой Мирой... блядь... верю. Будь мне двадцать – я бы тоже увлёкся. Красивая, скромная, неизбалованная. Сейчас таких и не встретишь. Её вдумчивый взгляд буквально затуманивает мне мозги, и я забываю, что она ещё совсем мелкая.

Чёрт! Даже в свои сорок два я вполне мог бы ею увлечься. И это то, что действительно беспокоит. Получить срок за соращение малолетних я точно не планирую. Правда, подсознание тут же нашёптывает, что уже через три дня она станет совсем взрослой для многих вещей...

От своих гнусных мыслей начинаю ёрзать в кресле. Когда я последний раз с бабой был? Чёрт, не помню...

Последний месяц выдался исключительно адским. Крупный тендер на строительство сети торговых центров был у

меня в кармане, и много сил уходило на подбор мест. Плюс к этому – Матвей со своей любовью влипать в неприятности. Недавняя его выходка стала последней каплей для моего шаткого спокойствия.

Они с дружками оккупировали ветхое здание и проводили там вечеринки, мешая рабочим его восстанавливать. Тем самым переходя дорогу многим людям. Матвей и его приятели – избалованные мажоры – возомнили себя праведниками, считая, что в их силах поменять привычный ход вещей. Но нет, они не смогут. То здание всё равно реставрируют и сделают из него казино. А мелких засранцев просто перестреляют к чертям.

Матвей первый в списке. Потому что зачинщик, в некотором плане даже лидер. Ну и потому, что он мой сын. С недавнего времени к нему приставлена охрана, правда, он об этом не знает. Юношеский максимализм не позволяет ему ходить в сопровождении «нянек». А врождённое упрямство мешает меня выслушать. Матвей думает, что это всё шутки. Чертовски весело!

Может, Мира сумеет как-то на него повлиять? Очевидно, что она не из его дебильного окружения. Из разговора с её опекуной я узнал, что она очень послушная и добрая девушка. В эту семью попала пару лет назад из другой семьи. Те развелись, поделили собственных детей, а её вернули в интернат. Просто дичь!словно котёнка вышвырнули за ненадобностью...

Подавив тяжёлый вздох, расслабляю пальцы и перестаю сжимать руль. Пытаюсь расслабиться. Объехав, наконец, затор, гоню в офис.

День проходит в привычной суете и бумажной волоките. Встречи с инвесторами, подрядчиками, совещания... Но даже в этой суматохе в моей голове всё время всплывают синие глаза девушки. Они кажутся мне знакомыми. Такой чистый взгляд я видел лишь однажды. Очень давно. Может...

Нет, этого не может быть.

Проведя весь день в собственных загонах, возвращаюсь домой достаточно поздно. Въехав во двор, оставляю машину рядом с гаражом перед машиной сына. Значит, они дома... Перебрасываюсь парой фраз с дежурящей охраной, убеждаюсь в том, что всё спокойно, и захожу в дом. Сразу слышу смех из гостиной. Он такой же чистый, как и взгляд синих глаз.

По телу проносится странное предвкушение, которое я тут же пытаюсь потушить.

Она – девочка твоего сына, Одинцов! О чём ты, чёрт возьми, думаешь?

Иду на голоса и сразу вижу Миру. Встав у зеркальной стены, она закрывает глаза ладонями, а Матвей, обнимая её сзади, пытается убрать руки от лица. На девушке новое платье. Наверняка подарок моего сына, потому что только он мог нарядить её в нечто подобное. И это не то, что я хотел бы на ней видеть. Я же сказал: скромную... нормальную одежду! А

не это...

На Мире белое платье, которое, вероятно, не предполагает ношение лифчика. Бретелек нет, верх платья плотно обтягивает грудь, и я отчётливо вижу очертания острых сосков. Платье короткое и узкое. Слишком плотно облегает бедра. Её стройные ноги кажутся ещё длиннее, да ещё и новые туфли на приличном каблуке...

В штанах как-то сразу становится тесно. И меня это всё рёз беспокоит.

Мира распустила волосы. Они прикрывают её плечи и струятся по спине, придавая её образу ещё больше нежности. А белый цвет платья, несмотря на то, что само оно очень вульгарное, ей идёт.

Громко сглотнув, я замираю. Матвей замечает меня в отражении зеркала. Его взгляд становится жёстким. Сын кладёт руку на живот Мира и, откинув её волосы с плеча, целует в шею, не сводя с меня злого взгляда. Девушка тут же отдёргивает ладони от лица, открывая глаза. В них лёгкое замешательство.

– Привет, пап, – хмыкает Матвей, оторвавшись от её длинной шеи. – Как тебе Мира?

– Никак, – бросаю сухо, избегая её взгляда.

– Нам пора, – сын берёт девушку за руку, тянет к выходу. – Будем поздно, – бросает мне.

Моя рука сама по себе выстреливает в её сторону. Схватив Миру за локоть, заставляю их обоих остановиться.

– Пусть переоденется, – говорю, всё ещё избегая её взгляда.

– Ой, да перестань! – возмущённо фыркает Матвей. – Что не так с её платьем?

– Оно вульгарное! В таком виде она просто позорит и тебя, и себя!

Наконец смотрю в синие глаза. Они невероятно большие, и кажется, что в любую минуту могут наполниться слезами.

Мира вырывается и бежит к лестнице.

– Твой отец прав, – бросает она Матвею, пытаясь улыбнуться. – Сейчас надену что-нибудь своё и вернусь.

Исчезает в коридоре второго этажа, а я продолжаю смотреть ей вслед, испытывая шквал непонятных чувств. А Матвей подливает масла в огонь:

– Отлично, пап! Ты – сама галантность!

Проигнорировав сарказм сына, ухожу в столовую. Слышу, как хлопает входная дверь. Должно быть, Матвей покинул дом, чтобы подождать Миру в машине.

Наши отношения уже очень давно находятся на этом уровне. Сын месяцами со мной не разговаривает. А я продолжаю верить, что когда-нибудь его ненависть ко мне потухнет. Но пока она с каждым годом разгорается всё ярче.

Сняв пиджак, вешаю его на спинку стула. Расстёгиваю манжеты рубашки, закатываю рукава, ослабляю галстук. Наливаю себе немного виски, чтобы промочить пересохшее горло и предпочитаю больше не возвращаться в гостиную.

Дурак! Обидел девочку ни за что! Просто потому, что мне хочется видеть её в чём-то более приличном. А кто вообще спрашивал моё мнение?

Выпиваю залпом крепкий напиток и выдыхаю со свистом. Жар растекается по горлу и спускается к груди. Я редко позволяю себе алкоголь, потому что предпочитаю иметь светлую голову. Но сейчас мне просто необходим некий дурман, чтобы наконец перестать думать об этой девчонке.

Выпиваю ещё порцию спиртного, и мозг вдруг начинает активно работать в нужном мне направлении. Я сам должен настоять на скорой свадьбе Матвея и Миры, чтобы этот оболтус с головой окунулся в семейную ответственность. Не хочет ехать в Америку – пусть идёт работать, и сам содержит свою семью. Закрою ему доступ к деньгам. Может, даже тачку отниму. Мне надо было воспитывать его строже, но я жалел пацанёнка, потому что тот слишком рано потерял мать. Но мне нельзя было становиться ему мамкой!

Чёрт!

Слышу торопливые шаги на лестнице и, поставив стакан на стол, всё-таки иду обратно в гостиную. На ходу расстёгиваю верхние пуговицы рубашки, потому что ворот вдруг начинает душить.

В синих глазах, взирающих на меня, больше нет слёз. На девушке обычные синие джинсы и широкая футболка, скрывающая все её прелести. Длинные волосы собраны в небрежный пучок на макушке. Теперь она выглядит скромной и со-

всем маленькой. Это несколько отрезвляет меня, утихомиривая то влечение, которое я вообще не должен к ней испытывать.

– Так намного лучше, – бросаю, скрестив руки на груди и расслабленно подпирая стену. – Это твои вещи?

– Да. Матвей возил меня домой.

Я знаю, что возил. Приставленная к сыну охрана сообщает мне о каждом его шаге. Только они как-то упустили тот факт, что он обзавёлся подружкой. Это значит, что мой сын догадался о слежке. И ему как-то удаётся улизнуть из-под носа «нянек». Это проблема!

– Он сказал тебе, куда вы поедете? – приближаюсь к девушке.

Она не торопится покинуть дом. В нерешительности замирает возле лестницы, словно хочет продолжить говорить со мной.

– Матвей хочет погулять с друзьями, – пожимает плечами и делает робкий шаг в мою сторону. – Но мне не нравятся его друзья.

– Тогда скажи ему об этом. Ты его невеста. Вполне можешь высказать своё мнение.

Нахрена я это делаю? Зачем провоцирую Матвея на скандал с Мирой? Ведь мой сын не привык к возражениям.

– Наверное, я так и поступлю, – вновь пожимает плечами Мира. – Да... да, скажу ему, что не хочу общаться с его друзьями.

– Когда ваша свадьба? – меняю тему разговора и тоже делаю шаг к ней.

Между нами – жалкие тридцать сантиметров. Мира вдруг смотрит на меня испуганно. Быстро опустив взгляд, долго разглядывает свои старые потёртые кеды и в конце концов тихо шепчет:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.